

Марк ЗАХАРОВ: Она мечтала выйти замуж за русского. Чтобы мучиться

«Ленком» вернулся на родину после триумфальных гастролей в Израиле и Японии. Наш корреспондент беседует с режиссером Марком ЗАХАРОВЫМ.

- Марк Анатольевич, как-то ваши первые впечатления от Страны восходящего солнца!

- Япония поразила нас тем, что это - совершенно другое мышление и иная культура. Ну, начиная хотя бы с того, что нельзя гвозди вбивать в дерево, а планшет сцены. Раньше мы думали, что только финны вот так умеют обрабатывать дерево. Но отношение японцев - это нечто особенное. Это какой-то священный культ, где дерево воспринимается как живое существо.

Очень интересен, конечно, технический персонал театра - специалисты высокого класса. Мы работали в гигантском сооружении, которое могло быть возведено только в Японии, и даже не сейчас, а три-четыре года назад. (Сейчас они считают, что еще не вышли из полосу экономического кризиса.)

Так вот, мы играли в громадном, сверхъестественном по европейским нормам сооружении: комплексе, состоящем из трех залов - на четыре тысячи мест, на девятьсот и на четвереста пятьдесят, - который напоминал какую-то субмарину, гигантскую атомную подводную лодку, неожиданно всплывшую на поверхность. К этому сооружению подтягивались скоростные железные дороги, так что все вместе потрясло наше воображение.

- Как японцы отнеслись к уникальным декорациям «Чайки»?

- Поначалу - с большим скепсисом. Они наблюдали всю эту груду деревьев, видя наше оформление в разобранном состоянии, и взирали на нас с некоторой печалью и сочувствием, как на людей, которые не владеют полностью процессами современного театрального мышления и сценографии. А были потом несказанным образом ошеломлены и удивлены тем, как все это преобразилось, и притом достаточно быстро, в олдоское озеро художника Олега Шейнциса, профессионализм которого они в итоге очень высоко оценили.

- Они все так же наличканы своей электроникой!

- Пульс помрежа мне напомнил центр телевизионного регулирования по количеству аппаратуры, кнопке, сигнальных огней и бесконечных мониторов. Столько телевизоров стояло вокруг! Мы испытывали большое

волнение, потому что во время спектакля шла бегущая строка, иероглифы, прямое словесное контакта со зрителем не было. Мы боялись, что будем играть как бы в пустой зал. Но оказалось, что эта упругая «энергетическая масса», которая очень любя Чехова, с большим пониманием, каким-то повышенным волнением взирает на наш спектакль, а в конце дружно плакала. Вот это меня потрясло - у нас тоже люди плачут, но не так дружно и не в таком количестве. Поразило, конечно, и японское мышление, и восприятие Чехова одной из наших очень молодых переводчиц. Милая японская девушка, посмотрев наш второй спектакль, пришла за кулисы заревавшая, утирая слезы, сказала: «Я отсена, отсена хосю выйти замуж за русского словесника». Мы были крайне удивлены и спросили: «Почему? Зачем?» И тогда она сказала гениальную фразу: «Стобы мутися». Чтобы мучиться!..

Ну мы, конечно же, стали сразу вспоминать, кто из наших мучителей смог бы ей помочь, но обнаружили, что все вроде бы при деле. К сожалению, у нас сейчас нет свободных мучителей. А те, кто еще не женат, те, наверное, и не изучают. Поэтому мы, увы, ничем не смогли ей помочь. Но с большим удовольствием сыграли три спектакля, что является редкостью. Обычно на этой театральной олимпиаде - она так расплачивана - разные театры играют максимум по два спектакля. Сначала работал китайский театр и одновременно - театр Тадаси Сузуки, одного из ведущих и очень интересных режиссеров, театральных мыслителей современной Японии. Ему очень помогают государство, префектура. Мы видели спектакль «Сирано де Бержерак» на открытой площадке. У Тадаси - свой центр, он имеет и маленькую закрытую сцену специально для опытов, таких, которые проводят, скажем, наш Анатолий Васильев или некоторые другие режиссеры, умеющие интересно работать на небольших площадках. Вы знаете, что я не любитель маленьких площадок, но должен признать, что это - очень интересный комплекс и очень интересная театральная школа. Есть там и открытая площадка с чудесным видом на буйную японскую растительность с почти тропической

ситуацией, тропической сценой из «Чайки».

Вот на этой открытой сцене, рассчитанной на 600-800 зрителей, мы и смотрели «Сирано де Бержерак», который показался нам очень интересным, хотя некоторые вещи нас крайне удивили: и музыка Верди, и вставленное соединение традиционных японских мотивов с европейскими фантазиями режиссера.

С Тадаси мы встречались и общались. Он очень интересно размышляет о театре, говорит какие-то вещи, похожие на те, что говорю и я. Естественно, мы используем разные термины. Он говорит о том, что сейчас в наш век информационной революции и засилья виртуальной реальности единственная живая человеческая энергия остается в контактах с театральным искусством и отчасти со спортом. А все остальное можно подменить, окружив себя бесчисленным количеством мониторов, телевизоров, проекторов. Живая, биологическая, психическая энергия существует только в театре. Вот это он проповедует, доказывает, разрабатывая при этом свою методологию.

Было очень любопытно познакомиться с той страной, которая имеет замечательные оазисы, очень красивые места и одновременно - места большого скопления людей, перенаселенности, с большим количеством металлических конструкций, действующих удручающе. В этом отношении я от Японии ждал большей сказочности. Не произошло, увы... Но, тем не менее, некоторое представление мы получили и благодарны судьбе, что это состоялось.

А что касается Израиля - существует некая особая, мистическая связь с этой страной, начиная с 1948 года. Ведь наш голос в ООН сыграл решающую роль при организации этого государства. И потом - сейчас сильна партия русских людей, выехавших из России туда. Их почти миллион, они, конечно, создали свою субкультуру. Многие вообще перестали учить иврит. В первой поездке мы еще наблюдали отчаянные усилия некоторых людей, в том числе нашего знакомого, любимого артиста Михаила Козакова, который мучительно с 8 утра до 15 часов каждый день занимался ивритом, чтобы потом вернуться в Россию. А сейчас много русских надписей на улицах. Много встречали людей, которые нас знают, любят, помнят. Ко мне подходили молодые люди, говорившие, что их дети

с удовольствием смотрят мои фильмы «Обыкновенное чудо» и «Тот самый Мюнхгаузен». А сами родители родились уже после съемок этого кино. Это вызывает удивление. Парадокс еще и в том, что мы беспримысленным образом собрали восемь аншлагов в очень большом зале «Синерама», который вмещает около 2000 человек. В основном это были русскоязычные люди. Восемь аншлагов нас очень впечатлили, как впечатлили они и зрители, и организаторов этих гастролей - театральное агентство «Встреча с талантами».

- Чем будете удивляться дальше!

- Мы репетируем собственную версию пьесы Эдуардо де Филиппо «Филумена Мартурано». И одновременно приступаем к работе над новой пьесой Григория Горина «Шут Балакирева». Это продолжение его исследования и размышлений над явлением шутства, начало которым положил «Тиль». Предстоит интересная встреча с такими персонажами, как Меншиков, Петр, Екатерина I. Надеемся сделать красиво и занимательно. Это будет историческая фантазия, хотя мы не преследуем цель сделать этнографически точный слепок тех времен и нравов. Это наша воля театральная фантазия на те события с большим уважением, естественно, к тому, что происходило в действительности. И это каким-то образом связано с нашими сегодняшними тревогами, печальями, заботами, надеждами.

- Вы говорили когда-то о том, что может быть, среди ваших многочисленных контактов самый радостным будет контакт с учеником, летящим на недосыгаемой для вас высоте. Вы выпустили курс в РАТИ и сейчас набираете новый. Что вы будете вкладывать в этих ребят по сравнению с предыдущими выпусками!

- Вы знаете, времена меняются. Приходит новая генерация людей, и даже за пять лет едва заметные изменения есть. Люди по-другому относятся к обучению, серьезнее, развивают более глубоко работоспособность, которой в мое время мы не знали. Мы так не умели работать, не было такой интенсивности. Наверное, уже есть понимание того, что надоело в театре, что уже сделано, что хорошо известно. А вот что просится для современного театрального сценического исследования - об этом как раз и стоит поговорить.

Елена КЕРБАНОВА.